

Любовь Психушка Осень

Расщепление

Илья Соколов

12+

Илья Соколов
Расщепление

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Соколов И.

Расщепление / И. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Оказавшись однажды осенней ночью в гротескной Психушке, девушка по имени Химена ищет нечто важное. Возможно, любовь? Ей помогает чёрно-жёлтый Кот, обитающий в этом «проклятом месте». Он знает парня (того самого), который очень хочет встретиться с Хименой. Или ему всё это только кажется?

В оформлении обложки использована иллюстрация с <https://horrorzone.ru> по лицензии ССО.

Слово «Бог», начертанное на пожелтевшей от дождя коже левого плеча, укрощало её. Последнее «привет» в пустыне.

Вперёд. Назад.

Назад. Вперёд.

Маятник качелей безудержно кривлялся на ветру, точно заигрывая с густыми тучами облаков.

Небо изливалось. Она двигалась на одном месте.

Вниз. Вверх.

Вперёд. Назад.

* Тайна внутри раскрытых истин топкой жизни *

Тихий бред голосов. Она одна. Под дождём.

Ровный треугольник крыши поднял два креста её качелей: левый катет ската – левый крест, правый – правый.

Грустный сход лавины ливня.

Вверх. Вниз.

Два двойных креста качелей печали.

Затаив во взгляде блаженную радость, одинокая девушка на крыше намокла всем телом.

* ... течёт вода из крана (кровь из раны). Поэтому поэты мы... *

Закатный блеск сквозь облака. Качели стали останавливаться – мерно, мирно... замедляют ход.

Скрип. Стоп.

Она смотрит на вытатуированную надпись у себя на левом плече.

Слово «Бог»...

Потом она глядит в тебя. И говорит:

– Какое женское начало...

Два двойных креста на крыше спокойно держат взмокшие качели.

Ни вниз. Ни вверх.

А ей уже пора.

Тихонько, почти не грохоча каблуками своих сапожек, она проходит к входу на чердак. На краешек оконца села. В чернеющее чрево крыши она выходит прочь.

Траурно-серый склон неба плачет каплями по пустым качелям.

Во тьме она опять одна. S2: сверкнуло слева жёлтой лентой.

Чердак сырой, не прокопчённый. Нет гари запаха, но светит слабо серое окно. Осторожно пробираясь сквозь тьму, она подходит к блёклой двери. То дверь на лестничную клетку.

Она в неё стучит. И не настойчиво, а чутко.

Никто не открывает. Дверь отвернулась под её рукой. Она ступает внутрь.

Две жёлтые руки скелета, отчаянно вырвавшиеся из чёрной тьмы чердака, резко захлопнули за ней условно пискнувшую дверь.

Она достала из кармана джинсов молодой мелок, наполовину чёрный с одной стороны/наполовину белый с другой. И начертала Перекрестие Христа на двери.

Мелок скользнул обратно. Его хранительница стала спускаться.

Жёлтые лампы освещали клетки лестниц, лишь лёгкий сумрак скрёбся по углам. Ей чудилось, сейчас разинет пасть дверь чьей-нибудь квартиры, а оттуда вылетят грубые живые трупы будущих жильцов. Раскатистая труппа трупов.

Но нет. В квартирах – пустота. И рядом с ней – ни звука.

На очередном пролёте она замечает смятые банкноты: 20 + 5 + 20.

Нужные бумажки никуда не прячутся в тусклом свете скурых ламп. Ждут втроём её одну. Она вообще всегда жила на деньги, которые находила на улице, в супермаркетах, в кафе-закусочных, на пляже, в кинотеатрах, (опять-таки) в подъездах... Привычным жестом подобрала купюры, а задний карман их ловко проглотил. Джинсы заметно подсохли, отличаясь этим от футболки, ярко красневшей по этому поводу. Когда-то слишком длинные рукава были оборваны.

Девушка взобралась на морщинистый подоконник. Крупные капли со стороны улицы хлестали в стёкла, сбегая по ним дорожками грусти.

Похожие капельки текли по кончикам её волос, неспешно задерживаясь у края, бес-словно размышляя о будущем падении, о тихой важности происходящего, о мнимой сиюми-нутности момента, и {самоотверженно порвав с опорой} преобразались в лёгкие прозрачные слезинки на лице её печальной красоты.

Свои мокрые растрёпанные волосы она терпеливо пригладила рукой.

С одной стороны они были по-вороньему чёрные (частично), с другой же оставались снежно-белыми.

Она всматривается в плачущее окно, слезает с подоконника и неторопливо спускается к дверям на улицу. По-прежнему тихо, лишь слышен шум дождя.

* Куда теперь одной-то ей идти? Какое место станет ей наградой *

В её голове – опять тот сладкий шёпот. Она решила. Она выходит в черноту... Змеится в сток воды поток. Всё небо падает дождём, а ночь уже легла в пустынный город.

Видимая поверхность этой девушки снова промокла. Чёрная тьма арки учтиво крошится рассеянными отблесками уличных фонарей, что высятся, почтительно склонившись к тротуару.

Арку она минует. Бросает любопытный взгляд на фонари. Они подобны дереву без листьев: на металлическом стволе ветвятся пары ламп, метавших слабый свет. Ей виден дождь, падение воды.

Девушка огляделась: безлюдная, безжизненная, бесстрастная городская площадь. Гладкая поверхность мокрой пустыни асфальта. Слепые «полицейские» патрулируют улицы.

Это её тревожное виденье бессмысленно проходит мимо. Она одна под непрекращающимся дождём движется по городу через ночь.

В любом окне ей люди чудились с «защитыми» глазами. Никто не смотрит на неё. Фасады, лица зданий, омытые водой.

На одном – табличка с парой цифр («25») бьётся о кирпичную кладку под порывами ветра. Одинокая девушка грустно идёт вниз по улице. Огненная наледь слышится ей в каждом своём шаге.

Чуть впереди – скопление луж. Их негде обогнуть. Но ведь промокнуть ей уже не страшно. Она ступает по воде. Идёт к реке Болот.

Руки мертвеца из чердачного окна встречного дома указывают ей дорогу.

Часы. Кто их сюда повесил?

Весёлый циферблат смеётся. Стрелки послушно застыли. Ночь.

Тринадцатый час.

Она утомлена. Заходит в близкий ей подъезд. Жёлтый огонёк лампочки трепещет мотыльком, порхающим над свечкой. А по стене вздымаются вдоль лестницы рисунки: смешной старик без глаз, мужчина с дыркой вместо рта, бессмысленная девочка, безухий кот, сердито кажущий белёдые клыки.

Своим раздвоенным мелком она одаривает старика глазами, мужчину – ртом, ну а кота – ушами. Вот так. Ей больше нечего тут делать.

Она выходит. Снова дождь. Сквозь время сорока минут придёт она к месту. Мост. Минуя рожицу деревьев «ведьминых волос», она ступает по мосту. Тот траурно скрипит досками.

* Хороводит Смерть с дождём *

Тьма крепко держит купол неба.

Мерцающим цветком блестит единая звезда.

Мост тонет в сумраке, за занавеской ливня. Безлистные почти недвижимы. Их ветки подняты к дождю. Река, чьи воды мутный чай напоминают, свой берег песчаный ей учтиво подаёт. Над девушкой нависла тьма небес.

И одинокая звезда сквозь тучи.

Стоя на сыром песке, она видит: ливень, одолевая воздушные вершины, соединяется с рекой. Ей помнится страстей пустыня, безумья гневный взгляд. Она заходит в воду.

Вход – Вдох Выдох – Выход.

Намокла мокрая одежда. Сапожки с каждым шагом сильнее вязнут в иле. Невидимое дно. Уже и слово «Бог» скрывается из вида ночи.

Дождь хлёстко плещет по реке.

Сколько ещё?

Вдох – Выход.

Когда?

Выдох – Вход.

Крещение гробовой водой достигло глубины поверхности крещендо.

Она печально смотрит в объектив реальности. И говорит:

– Без меня вся стройность текста развалится...

– Хочется кого-нибудь вызвать, – говорит она, – Пусть приходят, селятся у меня в голове... Я ведь тоже чувствую одиночество.

(Голос шепчет) * Не в своё тело не лезем *

А рыбка отвечает бормотаньем.

– Без тебя вся *тройность* текста развалится.

Золотистая обитательница реки Болот к ней подплыла, порхая плавниками. Слегка высунув голову из воды, она пристально посмотрела на девушку.

– Бормочущая Рыбка, – представилась неразборчиво, тихо. – Ты решила искупаться в такой весёлый час?

«Ночная купальщица» – ни да, ни нет – неопределённым кивком ввысь к пылающей звезде сквозь ярость неба. Безмолвная.

– Я хочу, чтоб больше душ познали мою боль, – сказала она скорбно.

– Разве никто не чувствует нереальность бесконечности?

Рыбка, что-то сбивчиво бормоча, замкнула за собой фигуру круга.

Вокруг девушки подобно лёгким ангельским крылам, желтеющие плавники плясали по воде.

* В утопленников лучше не соваться. Серьёзно! Они размокнут неловкими пробками кожаных пузырей – ты ещё видеть их глазами не научишься *

Наплывы голосов из капель ливня. Бормочущая Рыбка сухо говорит:

– Он постоянно сюда ходит с удочкой. И думает о дочке. Но нет её... Ловить здесь сетью нечего. Тут рыбы нет.

Она ныряет вверх и с плеском входит в чай реки. Бриллианты брызг в густую топку ночи. Не утопшая девушка всмотрелась в рекламу твоей двоичной личности. Слова скатились капельками с посиневших губ:

– Любовь приходит через наши души, заражая великолепием Смерти во имя другого. Я...

Фривольно Рыбка обрывает стоки звука:

– Весёлое начало. Слышишь «свои» голоса? Они...

– Под Богом. Над Дьяволом. Не слушай никого!

Намокший весь, взъерошенный, блестит огнями глаз. Ночное привиденье – обычный чёрно-жёлтый Кот на берегу:

– Я стану вновь игрушечным, коль перестану мёртвым быть... О, девушка! Оставь же проклятым забавы!

Бормочущая Рыбка парирует ему бесцветно:

– Пора перестать плясать на песке. Работать начать, установить за собой каждодневную слежку... Ещё течёт вода реки Болот.

Кот девушке: пройтись не хочешь?

А та оглядкой на него:

– Отчасти, только в Бесконечность?

* Сухая жизнь мозгового дождя за каждой тенью *

Невидим, ил её не держит. Она выходит из воды.

Чёрно-жёлтый Кот довольно сводит пасть полуулыбкой. И говорит:

– Тело имеет значение только для двух: Входа и Выхода.

Нескончаемое дождепадение. Бормочущая Рыбка грустно глядит на прощанье.

– Позаботься о ней, – слова летят беззвучным всплеском. И тихо в глубине. Одинокий шум дождя над округой.

Глаза Кота горят зелёно-жёлтым. Он (замечает с интересом): правая бровь у тебя чёрная, а левая – белая.

Она кивает правде в лицо. Картавое мурлыканье Кота из темноты:

– Не выводите себя из меня. Дивное украшение заигрывая на одном месте ровный треугольник лавины ливня всем телом её бесполезной жизни два двойных креста на краешек оконца склон плачет каплями во тьме сверкнуло жёлтой лентой хранительница клетки лестниц самоотверженно порвав с опорой печальной красоты змеится в сток чуть впереди безумный с парой цифр... Не выводите его из себя.

– Не говори мне ерунды, – она.

– Не буду. Я здесь не для того, – Кот хмурит брови ей во след. – Постой! Нам в сторону другую.

Капли искрами очертили силуэт остановившейся фигуры.

Девушка спросила:

– Куда делись листья?

– Они нигде. – И чёрно-жёлтый Кот оглядывает их: опалые тела деревьев, пустынные поляны и берега пески. – Обычно падших забирают... Но место есть, где листья всё ещё нужны.

Она к нему подходит ближе.

Встречаются внимательно внимающие взгляды.

– Можешь лечь на меня, если хочешь.

– В смысле – положиться, – улыбка девушки в дожде отражена.

– Да тут недалеко. Идём.

Они идут вдвоём.

Кот укоризненно: ты всё не прекратишь ленивый этот ливень. Я до крови промок!

Она ему:

– Но как?

Он ей:

– Перестань лить слёзы внутрь. И на плече моём поплачь...

Шли по тропинке и остановились. Чёрно-жёлтый Кот пытается поддержать её морально, когда она обессилено валится на него. Упали в мокрую траву.

Сахарные слезинки затравленно обнажены.

Она ревет, придавленный орёт (и затухает ливень).

Печаль души прошла дождём.

Кот еле выбрался из-под неё. Уселся рядом.

– Водопад выключила, – он говорит, ломая рот улыбкой. – И сухо, как в пустыне стало...

Пора уж дальше нам идти.

«Ведьмины волосы» склонили устало тонкие, спутанные ветви.

– Приятные деревья, – молвит Кот, когда водой ему проказливо плескают на затылок.

Прибрежный лес теперь затих. Ночь наконец-то безмятежна.

– Промокло всё кругом, а я без обуви что твой Иисус.

Кот оценил её нечистые сапожки. Она меж тем уж снова замерла.

– Куда ведёшь ты? Стой, я дальше без ответа не пойду.

Кот глянул косо и сказал: прибежище умалишённых, безумия чертог.

То место, где покоев много...

– Шизняк, психушка, жёлтый дом?

– Больница душ, – Кот девушку смешливо поправляет. – Её недавно обновили... Там главный – доктор Бен.

– Пошли...

Единая звезда блестит на склоне ночи. Стена из палых листьев перед ними.

– Стена Осени, – кивает мёртвой изгороди Кот. – Сейчас найщем вход.

Она за ним неспешно следует вдоль жёлтой. На тёмной простыне могилы гроб лежит. На нём из музыки табличка «ВЫХОД».

Кот крышку открывает.

– Ну вот мы и пришли. А дальше – твой вопрос.

– Что я почувствую после смерти?

Жиль Корвус:

– В детстве от страха темноты меня спасла одна девочка. Она жила этажом ниже. И мы с ней сильно дружили.

Однажды вечером в одно из тёплых лет я и она, заигравшись во дворе, не заметили быстроту заката и очутились в окружении темноты абсолютно одни. Другие дети уже спокойно спали.

Нам нужно было вернуться до того, как наши родители сойдут с ума от безответственности своих детей.

Она схватила меня за руку, и мы двинулись к дому.

Ночь выдалась лунной. Мы прошли через аллею тополей, верхушками взлетающих к звёздам, а после вышли на пустырь за нашим домом.

Беспокойное чувство вмешательства чего-то злого не покидало меня, но моя подружка крепко (ладонь в ладонь) держала мою руку.

Мы быстро миновали заваленный всяческим мусором пустырь и подошли к подъезду. Чёрный проём дверей испугал меня невероятно.

Но спутница-соседка храбро втащила нас внутрь. Нашаривая в темноте ступеньки, мы поднялись к её квартире.

Блёклый свет Луны смотрел через оконце. Мы стояли на лестничном пролёте и в нежной тишине летней ночи любовались друг другом.

Она осторожно меня поцеловала и постучала в свою дверь.

Страх темноты тогда меня покинул.

Мы попрощались. Она зашла домой.

Нам было по 5 лет.

Я засыпал на раздвижном кресле в углу, а просыпаясь, обычно лепил из пластилина разноцветные фигурки людей и играл ими на балконе.

Моя подружка-соседка любила летать на качелях.

Иногда я пробовал её нарисовать.

Ещё у нас во дворе была старая голубятня. Но голуби там почти не ютились. Зато в подвале нашего дома водились огромные серые крысы. Однажды мы с моей подружкой нашли мёртвую крысу в траве. Убедившись, что тварь сдохла, мы стали по очереди вертеть её за хвост. Внезапно крыса ожила и, чуть не укусив меня, сбежала, чем очень удивила нас. Я и моя подружка любили исследовать округу, подолгу играть на улице. Помню, она научила меня быстро плевать трижды через левое плечо. Туда, где «ждёт демон»...

Эта девочка-соседка уехала с семьёй куда-то далеко, когда наступила осень.

В школе после второго класса мне было невыносимо скучно. Я наплевал на неинтересные предметы, такие важные таким важным людям.

Я был халявщиком и одиночкой.

По прошествии 10 лет «учёбы» родители направили меня в Академию, за несколько километров от города. Студгородок, каждодневно навевая тоску, вогнал меня в сильнейшую депрессию. Занятия я благополучно забросил и, как в детстве, занялся исследованием округи.

Хотя бы природа радовала меня. В одиночестве я бродил по вымерзшим полям, забирался на крыши заброшенных строек, исхаживал пыльные дороги, пробовал вызвать духов в вечернем лесу.

Потребность в обществе людей я не чувствовал.

Это позволило обособить меня от их реклам и мнений.

Различные безумства я начал совершать от скуки. Иногда чьи-то голоса подсказывали мне, что делать. Я веселился.

Одинокий шут в пустынной зале дворца.

Продымившись в Академии полтора года, ушёл по собственному нежеланию быть здесь. Тогда родители закинули меня в Университет.

Я стал аутсайдером, прозрачным одиночкой.

Та тьма и *тот* свет манили меня. Мир живых оказался абсолютно ненужным безликому невидимке. Мне виделись призраки. Они говорили со мной. Я начал предугадывать всякую чертовщину, случавшуюся с людьми из-за людей. Вокруг меня скопилась Тьма.

Бессонница убаюкивала. Я жил лишь только по ночам. А днём был как лунатик. Страдая от раздвоения жизни, я не видел выхода.

Весенняя жажда самоубийства.

Но всё закончилось иначе...

Всё началось с того, что я побывал на своих похоронах.

Вспомнил себя на весёлых по себе поминках.

Мой дьявольский двойник меня покинул. Я не болен... Но я и не здоров.

Жизнь моя была грустным праздником одиночества.

Я хочу прожить эти несколько последних лет так, как не мог прожить их никогда раньше. Наверное, никто не в силах это изменить.

Потеряв чувство реальности, я просыпаюсь.

Вскинул взгляд – пожелтевший скелет машет надо мной острой косой. Через комнату бежит восьмилаяпая собака. На подоконнике в горшке гримасничает одинокий подсолнух. Лицо у него такое, что на Хэллоуин маска не нужна. Лысый человек, торс которого заканчивается покатыми плечами, пытается ползать по полу. Ещё один, плоский словно коврик для ног, висит, прибитый к стене гвоздями.

И всем очень весело.

Пост{сон} прерывается чёрным шумом, рвётся на части у меня в голове.

Теперь я проснулся.

В моей комнате по-осеннему светло. Приятное утро апатии и покоя.

Часы лежат на стене, улыбаясь мне циферблатом. Время здесь гуляет против часовой стрелки.

[Жиль сел на кровати, медленно потёр глаза, уставшие видеть Ничто за ночь. «Обутый в ноги» пошёл к умывальнику.]

Вода на 80 % состоит из человека.

Умываясь, я вспомнил, что одна здешняя пациентка – Ночная Игла – чистит зубы гневом (как она, во всяком случае, говорит).

Не смыть вином вину перед Христом...

[Закрыв кран, Жиль идёт в дальний угол комнаты, где притаились его чёрные кроссовки (или, как считают все остальные – «сапоги байкера»).

Он переобулся и оделся в повсеночное: чёрная футболка с жёлтой надписью «Self street», чёрные джинсы и жёлтый пиджак/куртка.]

Я предпочитаю тёмные тона и густые краски.

[Жиль выходит из комнаты. На двери – номер 25.]

Больничные коридор гипнотично манил своей бледностью.

[Корвус идёт в соседнюю палату.

=Монохром=

Он останавливается в дверях. В палате двое: девчонка, которую зовут Блондиночка (это её настоящее имя), и темноволосый паренёк Алекс, похожий на капитана дальнего плавания, уволенного за пьянство.

Блондиночка что-то усиленно драит в раковине умывальника.

– Чем занимаешься? – спрашивает Жиль у девчушки.

– Мою мыло... – отвечает та. – Мило мою мыло... Ужинать будешь?

– Нет, спасибо. Я поел во сне.

– Заставлять не стану.

Блондиночка бросает обмылок лежащему на кровати (их в комнате две) Алексу, а тот «откусив» ножницами половину, возвращает кусок девушке.]

Ужин здесь утром. Завтрак – вечером. Обед – ночью. А ночь – днём.

[– Сигареты не будет, – утвердительно как бы спрашивает Алекс.

Жиль улыбается, согласно кивает. Блондиночка валится на свою койку и дикими глазами пялится в потолок. Корвус тихо прощается и уходит.]

Чёрные/жёлтые квадратики пола под моими шагами. Моя тень тает.

[Уборщик Гениталич в заплёванном халате, щедро накинутом на голое тело, метёт пока ещё чистый коридор больницы. Жиль проходит мимо, придерживая путь в туалетные покои.

=Монохром=

Дверь, вскрикнув, открылась.

Некий безработный художник, замотанный в десятиметровый шарф, расписывает потолок туалета, удерживает кисть из хвоста крысы двумя пальцами одной руки. Его борода давно стала разноцветной от краски. Стены сортира он уже расписал:

Фреска №1 – Мишень с ребёнком внутри.

Фреска №2 – Поедание плодов беременного выкидыша.

Фреска №3 – Расстрел пули.

Фреска №4 – Безрукий мальчик, пишущий портрет обезьяны.

Фреска №5 – Холодильник в Аду, внутрь которого поместился полуразложившийся прут.

Фреска №6 – Кривой излом ухмылки ангела.

– Ну как?

Художник вопрошающе зыркнул на Жилу, затем уверенно пошатнулся, заливая бороду очередной порцией краски. Табурет под ним хрустнул и подло опрокинул живописца на пол, попутно разваливаясь в щепки.

– Жизненно. – Произнёс Жиль под занавес сцены. Художник траурно уставился на падший табурет.

– Быстро прогнил, – прокомментировал он. – Только вчера ведь вырастил!

Медленно вскочив, бородатый рисовальщик принялся отмахиваться кисточкой от кого-то совсем невидимого и орать примерно следующее:

– Я, такой свежий, удивительный, не могу творить в обстановке нетерпимости, лжи, а также зависти умерших коллег! – Он метнулся к зеркалу. – Я, божественный Микки Анджело, требую воздавать мне дьявольские почести!

Не выдержав захлёбной интроспекции, Корвус ретировался в коридор.

А там доктор Бен и доктор Урод (самый красивый из персонала) вдоль стен выстраивают жителей общей палаты.

Последнего вышедшего в коридор психа осуждают и наказывают, уводя в первую палату. Доктор Бен сопровождает его, держа за руку, покуда «опоздавший» врёт, изворачивается и сквернословит про себя. В первой палате он проведёт весь день, перебирая газеты для последующего применения в уборной. Ведомый, напевая «Я буду любить меня нежно», заворачивает вместе с доктором Беном за угол.

Чтоб не успеть к приёму лекарств (их выделяют на первом этаже), пациенты возбуждённо ждут автобус.

После пятиминутного вглядывания больных в даль коридора к «остановке» подъезжает прозрачный сгусток эмоциональных расстройств.

Один псих отчаянно кидает себя под нистагмические колёса транспортного средства, но выживает уже в который раз.

Доктор Вуду (высокий и очень худой джентльмен в цилиндре и чёрном сюртуке с длинными лапами), сверкая остроносими туфлями руководит [как кукловод] погрузкой. Кривясь искромсанным лицом, его прислужник Зомби красиво горбится за рулём. Пациенты лезут в кишки автобуса сквозь невротические двери, показывая почтенному врачу жёлтые листья бумажек. Билеты, вышедшие из роли обрывков старых книг.

«Трижды герой мира» Чапаевец, разразившись дьявольским смехом, предъявляет свой партизанский паспорт – самодельное удостоверение личностей. Доктор Вуду требует пояснений, на что Чапаевец заявляет будто он – творец мировой победы и ему подчинены все подземные воздушные силы. Ещё он многозначительно уверял, что под его руководством свершились революции в Африке, Южной Америке и Антарктиде, где во главе правительств стоят его двойники. Утверждал, что перед поступлением в больницу у него сожгли все внутренности, а голову подменили (и теперь его настоящая голова хранится забальзамированной у доктора Бена в золотом сейфе).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.